

TONY TYLER

ПЕСНЬ БОГА СМЕРТИ

АКТ 1.
ОБЕТ

18+

TONY TYLER

ПЕСНЬ БОГА

СМЕРТИ. АКТ 1. ОБЕТ

<https://litres.ru/74098471>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он обещал вернуться. Он ещё не знает, чего это будет стоить. Гражданская война перемалывает Империю в фарш. Майор Туони Вий, бывший солдат, а ныне муж и отец, думал, что его битвы остались в прошлом. Но древний долг, скреплённый кровью и магией Немезиды, вырывает его из дома и бросает в пекло осаждённого Варбурга.

Чтобы сдержать слово и защитить семью, Туони придётся жертвовать всем: друзьями, верой, остатками человечности. Но чем дальше он заходит, тем яснее понимает: на этой войне сражаются не только армии. За спинами генералов и политиков шевелятся иные, куда более древние и безжалостные силы, для которых участники этого конфликта — лишь пешки в большой игре.

И когда на поле боя, залитом кровью его соратников, Туони достигнет предела отчаяния, он услышит вопрос, на который у него нет ответа: «Что ты готов отдать за своё обещание?»

Содержание

ПРОЛОГ. ПРИТЧА О ПУСТОМ ТРОНЕ	4
ГЛАВА 1. ПРЕДВКУШЕНИЕ ПЕПЛА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

TONY TYLER

ПЕСНЬ БОГА

СМЕРТИ. АКТ 1. ОБЕТ

ПРОЛОГ. ПРИТЧА О ПУСТОМ ТРОНЕ

Апрель 7495 года. Где-то у врат Рая (так, во всяком случае, гласила табличка, которую никто не читал).

Ветер звучал неправильно. Он не выл и не стонал, как положено ветру на вершине мироздания. Он скрипел. Знаете этот звук? Звук половицы в коридоре, где ты жил в детстве, той самой, которую отец всё собирался прибить, да так и не собрался — теперь отца нет, а половица всё скрипит, и будет скрипеть, когда не станет тебя. Вот такой был ветер. Нудный, сводящий скулы.

Туони сидел на ступенях. Они были белыми — или когда-то были белыми, — а теперь их покрывал толстый слой серой, мягкой пыли, какая собирается в комнатах мертвецов, куда никто не заходит зажечь свет. Пыль оседала на руках Туони, смешиваясь с бурой коркой на костяшках. Сажа? Грязь? Чужая кровь? Он не мог вспомнить, а если честно,

ему было плевать. Прошлое стало зарубцевавшейся раной, которая чешется, но уже не болит.

У подножия лестницы лежал мёртвый зверь. Ни лев, ни бык — какая-то чудовищная помесь, которую природа не создавала, а если и создавала, то в очень плохом настроении. Его грива спеклась в жёсткие, острые сосульки, похожие на шлак, который выгребают из доменной печи. Помутневшие глаза зверя смотрели мимо Туони, туда, где валялась арфа. Золотая арфа с обвисшими струнами. Струны висели, как бельевые верёвки.

Рука сама нашарила рукоять. Холодную, шершавую, как черенок лопаты, которой ты выкопал уже двенадцать могил и сейчас будешь копать тринадцатую. На рукояти темнело пятно. Может, клеймо оружейного мастера. Может, запёкшаяся кровь. Туони не помнил, чья. Перед глазами всплыл образ: поле боя, сера, женщина в чёрном Или, может, ему это приснилось? Сны здесь были реальнее, чем собственная кожа.

Оружие лежало на коленях. Не винтовка, не церемониальный кинжал, а что-то среднее. Чёрное, поглощающее свет. Зеленоватые прожилки пульсировали, как плесень на стене сырого подвала, которую ты трогал в детстве, а мать кричала: «Не тронь, заразишься!». Это была Смерть. Оружие Смерти. Тяжёлое. Не физически — оно весило не больше старого дробовика, — оно давило метафизической тяжестью его грехов. А грехов набралось много. Целый товарный состав.

Перед глазами встали лица. Лорри, залитое слезами. Сет,

с лицом, перекошенным гримасой — такой, какая бывает у человека, понявшего, что сейчас он умрет. Бун. Шныг. Он попытался разжечь в себе ту самую ненависть, которая вела его через океаны крови. Но вместо огня — только пепел. Холодный, серый пепел в кострище, которое залили дождём.

В памяти всплыло другое: кладбищенская тишина над телом Буна. Как он стоял над верным другом и смотрел в его открытые, остекленевшие глаза. В них застыл немой вопрос, который страшнее любого крика: «Командир, ты же обещал, что мы победим? Обещал ведь, да?» Туони закрыл ему веки. Пальцы дрожали. Он пошёл дальше. Именно тогда, кажется, в груди что-то щёлкнуло в последний раз и смолкло. Не сердце — сердце продолжало стучать, тупой метроном. Сломалось что-то другое, чему он раньше не знал названия. А теперь знает. Душа.

Один из ангелов лежал ближе прочих. Совсем мальчишка, если у бесплотных вообще бывает возраст — на вид ему можно было дать лет пятнадцать, как сыну бакалейщика, которого забрили в армию, пока мать плакала на крыльце. Крыло было сломано в трёх местах и торчало нелепо, как ножка стула, на которую наступил пьяный гость. Перья, когда-то белее первого снега, сваялись в комья, пропитанные чем-то бурым. Сияющие одежды были прожжены, но всё ещё сияли слабым, болезненным светом застиранной простыни, забытой на солнце.

Туони смотрел на его лицо. Застывшее. Прекрасное. Чу-

жое. Ангел не обращал внимания на дыру в боку, из которой уже почти перестало сочиться. Он смотрел на свои ладони. Долго. Так, будто видел их впервые. Перевернул. Осмотрел с другой стороны. Потом перевёл взгляд на каменный пол, словно искал, обо что их вытереть. Но ладони были чисты. Без единого пятнышка.

В этом был весь ужас. Весь, мать его, ужас. Он умирал с чистыми руками. А Туони — нет.

Веки Туони опустились. Тяжёлые, как гаражные ворота. Перед внутренним взором пронесли образы. Не великие битвы. Не падение Императора. Нет, не они.

Завтрак с детьми. Тим карабкается на колени, пачкая ска-терть джемом, его липкие пальчики тянутся к отцовскому лицу. Дана захлёб рассказывает о книжке, которую прочла, и её голос — как ручеёк, чистая вода. Тепло руки Лорри в его руке, маленькая родинка на запястье, которую он так любил целовать

Хруст.

Туони открыл глаза. Ангел шевельнулся. Попытался опереться на локоть — локоть подломился с влажным, отвратительным хрустом, как переломанная спичка. Глаза, цвета мутного, засахарившегося мёда, уставились на Туони. В них плясали боль и невыразимая, бессильная ярость. Ярость ребёнка, которого обидел взрослый, а он не может дать сдачи.

— Ты обречён — голос был похож не на глас божий, а на треск разрываемой мешковины. Такой звук издаёт горло,

когда связи повреждены и наполняются кровью. — За то что сделал тебя ждёт лишь тьма и одиночество

Туони поднялся. Колени хрустнули. Совсем как у отца, когда тот вставал с корточек после возни в огороде. Простая, земная деталь. Тень упала на сияющее лицо ангела.

— Я готов с этим примириться, — сказал Туони. Собственный голос прозвучал хрипло, как будто он им давно не пользовался. А он и не пользовался. С кем разговаривать на вершине мира?

— Глупец! — ангел дёрнулся, но смог лишь приподнять голову на пару дюймов, прежде чем она снова упала на камень. Звук был глухой, как удар куска мяса о разделочную доску. — Тебе ещё предстоит осознать масштабы совершённой ошибки! Отныне не будет места, где бы твоя душа смогла найти покой!

Туони посмотрел на него. Без ненависти. Почти с любопытством, с каким разглядывают дохлую кошку на обочине: надо бы убрать, но кто этим будет заниматься? А потом его губы разошлись в улыбке. Беззвучной. Безрадостной. Самой одинокой улыбке во всей этой пыльной вечности. Так улыбается человек, который понял шутку, только шутка эта — вся его жизнь.

— Кажется, ты не понял, — тихо произнёс он. Голос был почти ласковым. — У меня больше нет души.

Он поднял Оружие Смерти. Оно загудело, как оголённый провод под напряжением, как старый трансформатор в

дождливую ночь. Зеленоватые прожилки вспыхнули ядовито-тускло — как гнилушка в сыром лесу, как светлячок в банке, которого забыли покормить и он вот-вот сдохнет.

— Я её потратил.

Раздался выстрел. Глухой, как удар кулаком в подушку. Ангел рухнул обратно на камни. Свет в его глазах погас — не медленно, как закат, а мгновенно, как перегоревшая лампочка. Дзынь. Осталось лишь ещё одно безжизненное тело на ослепительно-белых, покрытых пылью ступенях. Плюс одно. Какая разница?

Оружие опустилось. Он выдохнул. Где-то снова скрипнула петля — на этот раз насмешливо, будто сам ветер над ним смеялся. Спина — к разрушенным Вратам. Лицо — к бесконечной лестнице, уходящей вниз, туда, где в дымке терялся мир, обречённый на вечное странствие. Мир, которому теперь всё равно. Да и было ли когда-нибудь иначе?

Он ступил на первую ступень, но остановился. Здесь у него ещё были незаконченные дела. В военных ботинках, в пропылённой одежде, с тяжёлым сердцем и лёгкой душой. Потому что души больше не было. А без неё проще.

И где-то внизу, за миллиарды ступеней отсюда, в просторной гостиной за столом сидела вся его семья.

ГЛАВА 1.

ПРЕДВКУШЕНИЕ ПЕПЛА

Последние числа февраля 7493 года. А может, первые числа марта. Никто в Дармштадте уже не следил за календарём с той тщательностью, с какой следят в мирное время. Календарь — вещь для людей, которые строят планы. А планы т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.